

ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, ПРАВО

Идентичность и прецедент в модернизационных процессах*

Т. В. ШАРНАУСКЕНЕ

(ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН)**

В статье рассматриваются вопросы: 1) каким образом в процессе модернизации общества возникает проблема идентичности; 2) какое отношение к ее разрешению имеет прецедент как правовой и социокультурный феномен.

Ключевые слова: модернизация, идентичность, кризис идентичности, культурные образцы, прецедент.

Identity and Precedent in Modernizing Processes

T. V. SHARNAUSKENE

(THE INSTITUTE OF PHILOSOPHY OF THE RAS)

The article covers the following issues: 1) in what way does the problem of identity raise in the process of society modernization? 2) how does precedent as a law and sociocultural phenomenon pertain to this problem solution?

Keywords: modernization, identity, identity crisis, cultural patterns, precedent.

Тема идентичности в социальной теории становится актуальной на этапе переосмысления достижений и промахов модернизационных исследований во второй половине XX в. Первые концепции модернизации, предложенные в 50–60-х годах, анализировали перспективы развития стран третьего мира с точки зрения усвоения последними экономических, политических и социальных

институтов Запада. Этот процесс, проходивший с большим или меньшим успехом в разных частях планеты, получил название догоняющей модернизации и вестернизации. «Отличительной чертой вестернизации от модернизации вообще является то, что инициатива исходит от Запада, и западные ценности навязываются часто силой, ибо привлекательность западного образа жизни еще

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта «Российская модернизация и антимодернизационные тенденции» (проект № 08-03-00174а).

** Шарнаускене Татьяна Васильевна — аспирант-соискатель сектора социальной философии Института философии РАН. Тел.: (495) 697-98-93. Эл. адрес: sharnauskene@rambler.ru

не ощущается незападными народами» (Федотова, 2008: 50–51). Культурная самобытность развивающихся стран если и принимается в это время во внимание, то рассматривается скорее как дополнительная преграда, наряду с такими, как отсутствие индустриальных мощностей, слабость финансовых и товарных рынков, отсталость законодательства.

Это восприятие стало меняться на рубеже 60–70-х годов с ростом проблем, сопутствовавших вестернизации на практике. Т. Парсонс в своей книге «Система современных обществ» (1971) обращает внимание на эволюционный характер современного западного общества, имеющего собственные исторические предпосылки и этапы развития. Он показывает, что видимая цельность западных образцов, предлагаемых остальному миру, является результатом длительной конкурентной борьбы религиозных учений, политических идеологий, национальных культур. Вследствие этого «сами современные общества включают в себя разнородные культурные элементы, не всегда имеющие западное происхождение» (Парсонс, 1998: 13). И так же как на Востоке, в наши дни порицается вестернизация, так Европа отторгает американизацию своего образа жизни.

Иными словами, теперь ученым недостает оснований противопоставлять обобщенный образ Запада другим регионам планеты. Дело не только в том, что европейская цивилизация складывается в ходе исторического взаимодействия европейских обществ, но и в процессе взаимообмена каждого из них с отдаленными частями света. Констатируя данный факт, далее Парсонс подчеркивает, что любая культурная система «должна быть интегрирована с социальным окружением, которое обеспечивает удовлетворение функциональных потребностей реального общества. Эволюция предполагает непрерывное взаимодействие между культурой и социальными системами, равно как и между их соответственными компонентами и подсистемами. Социальные предпосылки эффективности культуры таким образом не

только меняются, но и на каждом из этапов могут зависеть от предыдущих» (Парсонс, 1998: 46–47). Идея Парсонса относительно плюрализма моделей развития современных (западных) обществ расставила новые акценты в теоретическом осмыслении модернизационных процессов. Во-первых, было показано, что Запад сам является продуктом модернизации, поэтому его сильные и слабые стороны исторически обусловлены и, следовательно, преходящи. Во-вторых, становится очевидной фундаментальная роль культурной детерминанты для социального развития современного типа. Важным оказывается выявить первенство западного мира в области техники и экономики во взаимосвязи с базовыми культурными ориентациями, преобладающими в обществе и длительное время сохраняющими свою преемственность. Как указывает Парсонс, «несмотря на фрагментацию, Запад в течение всего занимающего нас периода оставался регионом с общей культурой, основанной на христианской религиозной традиции и на основе того, что она наследовала от Израиля и классической Греции, причем последнее приобрело самостоятельное значение как через институциональное наследие Рима, так и через воссоздание в эпоху Ренессанса» (Парсонс, 1998: 184).

На наш взгляд, в приведенных положениях содержится важный момент, дающий ключ к пониманию одной из коллизий модернизации самих западных обществ. С одной стороны, европейские общества по-прежнему находятся под влиянием культурного базиса, т. е. воспроизводят исторически данные образцы в своей сегодняшней жизни. С другой стороны, период Нового времени стал для европейского социума эпохой перехода к обществу современного типа, порывающему с традиционными культурными установками. Основной посыл этого времени — это обращение к самостоятельному творческому началу человеческой личности, в противовес ограничениям, налагаемым локальным коллективом, национальным государством или религиозным верованием.

Как пишет В. Г. Федотова, «фокусом современных обществ выступает индивидуальность, вырастающая на пересечении инноваций, секуляризации и демократизации» (Федотова, 1997: 39). Неизбежно возникает вопрос, каким образом западным обществам удавалось прежде и удастся сейчас поддерживать баланс культурных (в широком понимании этого слова) традиций и инновационных импульсов. И какие при этом социокультурные механизмы позволяют преодолевать современным обществам проявления «окраинного примитивизма», как их назвал Парсонс?

Концепция дифференцированной системы современных обществ, предложенная Парсонсом, предполагает, что каждым из них было найдено индивидуальное решение данного вопроса. Однако, несмотря на разнообразие конкретных решений, можно говорить об их родстве, общем происхождении. Так, например, национальные системы законодательства Европы, Северной Америки, Австралии и ряда других стран базируются на уникальном юридическом опыте, но большинство из них являются наследниками двух европейских правовых семей — континентальной и англосаксонской. Тем не менее историческое единство фундаментальных культурных ценностей не служит гарантом преодоления всех преград — как трудностей на пути модернизации, так и сложностей адаптации к изменяющимся социокультурным условиям. В первом случае можно привести пример неравномерного вхождения в модернизационный процесс самих европейских государств, среди которых были и остаются свои лидеры и свои аутсайдеры. Во втором — опыт ассимиляции в США эмигрантов из Мексики и других латиноамериканских стран, в культурах которых также доминируют христианские (католические) ценности, но не приживаются предпринимательские (протестантские) идеалы североамериканского общества; есть стремление потреблять блага современной цивилизации, но нет потребности создавать новые общественные ценности.

Проблема ассимиляции эмигрантов вызывает не только чисто практический интерес. Эта тема привлекла внимание представителей различных научных дисциплин, открыв новые важные аспекты продолжающейся модернизации современных обществ. Речь идет не о технологических, экономических или управленческих особенностях, но о культурных аспектах модернизации. Здесь необходим новый исследовательский подход, подход культурологически-цивилизационный, как его определяет В. Г. Федотова. С позиций данной аналитической установки «социальные сдвиги мы рассматриваем как следствие культурных и цивилизационных обстоятельств и считаем главными в них невидимое — духовные процессы» (Федотова, 1997: 40). Современный социум отличается смешением и взаимопроникновением разнообразных ценностных установок и культурных образцов. Их мирное и продуктивное сосуществование является не только благим пожеланием, недостижимым идеалом, но насущной необходимостью, с удовлетворением которой связано повседневное благополучие миллионов людей. В таких условиях действительно следует говорить об исследовании фундаментальных духовных процессов, объединяющих и разделяющих общества.

Одним из таких важных ментальных явлений выступает процесс индивидуальной и коллективной идентификации, самоопределения в сфере культурных ценностей и установок. «Социальный теоретик анализирует идентичность как персональную самоидентичность, если речь идет об индивиде, и социальную интегрированность, способную вызвать ощущение самоидентичности у народа, а также возможность для индивида и общества быть представленными в теории в интегрированном виде» (Федотова, 2008: 388). Поиск своей идентичности сегодня сталкивается с вызовом глобализации мира, в условиях которой устраняются экономические, политические, языковые, религиозные барьеры на пути перемещения масс людей в поисках лучшей жизни по всему

земному шару. Проблема возникает обоюдная: привычную идентичность утрачивают как эмигранты, так и коренное население благополучных стран. Как отмечается, «миграционные потоки разрушили возможность установить связи этнических групп с определенными территориями. Аскриптивные критерии, определяющие, принадлежит ли данный индивид к социальной группе или нет, перестали быть применимыми» (Федотова, 2008: 386). Идентификация в разноликой массе ценностей культуры глобализирующегося мира действительно оказывается процессом, приобретающим перманентный характер.

Разрушительные последствия для казавшейся прежде монолитной национальной идентичности, вызванные бесконтрольной миграцией, анализируются с различных научных позиций. Для одних ученых идентичность является базовой категорией человеческого сознания и поведения, унаследованной от предшествующих поколений (идея «стержневой» культуры С. Хантингтона); другим она представляется продуктом свободного мысленного конструирования индивидами образов себя и своего окружения. Первые описывают современную ситуацию в терминах глобального кризиса идентичности. Вторые считают, что проблема заключается в не до конца еще изученной множественности параметров идентичности — индивидуально-психологических и социокультурных, — которая сама по себе подразумевает возможность индивидуальных и поколенческих кризисов. Выясняется, что даже в научном дискурсе термин «идентичность» использовался и используется в самых различных, нередко противоречащих друг другу смыслах. Как пишет один из авторов психоаналитической теории идентичности Э. Эриксон, «в одном случае он, казалось, относится к сознательному чувству уникальности индивида, в другом — к бессознательному стремлению к непрерывности жизненного опыта, а в третьем — к солидарности с идеалами группы» (Эриксон, 1996: 218).

Так феномен идентичности у одних и тех же исследователей приобретает многомерность, нередко совмещающую его диаметрально противоположные черты. Согласно Эриксону кризисы идентичности являются неотъемлемой частью развития человеческой личности, символизируя собой этапы ее взросления. Но вместе с тем данный процесс обуславливается и общим характером изменений социального окружения личности. Так, для Эриксона, опубликовавшего свои основные работы по данной тематике в 50–60-х годах XX в., формирование идентичности современного человека подчинено темпам жизни индустриального социума, тем объемам новых возможностей для деятельности, которые открывала перед человечеством индустриальная эра. Но эти вновь обретенные возможности скорее воспринимаются как вызов прежней идентичности, даже в таком динамично развивающемся обществе, как американское. Еще совсем недавно каждое взрослое поколение американцев без оглядки на остальной мир личным примером и рассказами о героическом прошлом своей страны создавали в сознании детей не менее достойный образ общего будущего. Тем самым потомкам естественным образом прививался, как пишет Эриксон, «страстно заряженный этос действий в форме идеальных типов людей или техник, настолько чарующих, что они способны заменить детям героев волшебной сказки» (Эриксон, 1996: 131). Теперь же выясняется, что традиционные «социальные механизмы в условиях стремительных исторических перемен не срабатывают». Перемены, коснувшиеся всего человечества, подтачивают уверенность нации в своих силах и ресурсах, казавшихся безграничными. Обострившаяся конкурентная борьба на мировых рынках, в том числе на рынке идеологий, «подрывают глубокую убежденность в том, что эта нация может позволить себе совершать ошибки» (Эриксон, 1996: 78).

Еще более драматичную картину кризиса американской национальной идентичности, но уже в начале XXI в., описывает С. Хан-

тингтон. Случай США он считает уникальным, но в то же время типичным, поскольку словосочетанием «кризис идентичности» сегодня характеризуют попытки духовного самоопределения наций во многих других странах. Среди причин сложившейся ситуации Хантингтон называет «глобальную экономику, грандиозный скачок в развитии транспорта и сферы коммуникационных технологий, нарастающую миграцию населения земного шара, распространение демократических ценностей, окончание «холодной войны» и падение коммунистического строя» (Хантингтон, 2004: 37).

Что при этом происходит с идентичностью наций и отдельных личностей, остается ли прежним сам механизм самоидентификации личности? По мнению Хантингтона, беспрецедентные в истории человечества социальные изменения — модернизация, рост экономики, урбанизация и глобализация — вынуждают людей обращаться в поисках своей идентичности к иным, менее масштабным, культурным образцам. Сама потребность в эталоне, на который ориентируется сознание и поведение человека, остается прежней. Но источниками таких эталонов в современном обществе служат совсем другие культурные инстанции. Дело даже не в том, что, как пишет Хантингтон, «национальной идентичности пришлось уступить место идентичностям субнациональным, групповым и религиозным», а «люди стремятся объединяться с теми, с кем они схожи и с кем делят нечто общее, будь то расовая принадлежность, религии, традиции, мифы, происхождение или история» (Хантингтон, 2004: 37). Ведь одновременно с этим происходит нечто совсем противоположное — образование широкого и влиятельного слоя космополитичных элит, для которых национальная идентичность также имеет все меньшее значение.

Дуалистичный характер самоидентификации приводит Хантингтона к мысли, что в современном (модернизированном) мире люди вынуждены в силу различных обстоятельств «конструировать собственные иден-

тичности», «идентичности в общем и целом представляют собой конструкты» (Хантингтон, 2004: 51). Это значит, что, каким быть и кем себя считать, зависит в большей степени от самой личности, становится делом ее собственного выбора. Нередко этот выбор приобретает гротескные формы. Как в свое время отметил Э. Эриксон, исследователям идентичности иногда кажется, что «некоторые молодые люди читают наши книги и употребляют наши термины почти как обиходные слова» (Эриксон, 1996: 37).

Однако эта особенность ментальности глобализирующегося социума не сложилась сама собой, а имеет глубокие исторические корни. Выше уже ставился вопрос о тех социокультурных механизмах, заложенных в основании общества современного типа, которые способствуют его воспроизводству и развитию. Сама по себе идентичность как способ адаптации личности к социальной среде не имеет здесь главного значения. Ведущую роль здесь играет тот собственно современный способ свободного конструирования идентичностей (не единственной, а множественной), который и определяет облик модернизирующегося мира.

Мы говорили о том, что и в современном социуме поиск идентичности остается поиском социокультурных образцов и эталонов. Один из фундаментальных механизмов, преобразующих эталонные формы культуры в общеобязательные нормы, создает правовая система той или иной страны. Право как социальное явление — «это совокупность норм (правил) поведения, формулируемых и устанавливаемых в обществе. Как социальная практика право — это определенные виды социального поведения человека в обществе» (Романов, 2002: 39). В западных правовых системах главным способом закрепления культурных норм выступает национальное и международное законодательство, принятие законодательных актов — конституций, кодексов и т. п. — избранным парламентом. Закон по своей правовой природе выражает обобщенные нормы, дающие заранее определенную интерпретацию человеческих дей-

ствий и мотивации. Говоря языком культуры, нам предписывается поступать строго определенным образом, устанавливается один возможный образец поведения. Но, как признают праведы, «идея создания полностью кодифицированного законодательства и единого свода законов все больше напоминает утопическое начинание, не имеющее большого практического значения» (Романов, 2002: 13). Может ли в таком случае вестись речь о самостоятельном поиске эталонов для решения проблемы идентичности, выходящей за рамки существующей?

Как показывает опыт англосаксонской системы права, такая возможность заложена в практике вынесения административного и судебного решения на основе учета имевших место ранее юридических прецедентов — судебных и административных. В дальнейшем они выступают образцами правоприменения в новых обстоятельствах и одновременно формой правотворчества. Как поясняет американский теоретик права Г. Харт, «судье приходится выбирать между альтернативными значениями, которые необходимо придать словам статута, или между конкурирующими интерпретациями того, к чему сводится прецедент. Это лишь традиция — считать, что судьи “находят”, а не “производят” закон...» (Харт, 2007: 20).

Ситуация «выбора между альтернативными значениями» становится доминантой модернизации. В культуре модернизирующегося общества роль образцового, прецедент-

ного решения возлагается на процесс определения личностной и коллективной идентичности. Речь идет об открытии новых перспектив для развития общества, учитывающих весь спектр актуальных и потенциальных возможностей. Поисковый, прецедентный характер современной культуры имеет и очевидные недостатки, на которые указывают различные ученые. Поэтому дальнейшее исследование проблемы кризиса идентичности нуждается в анализе имеющихся в распоряжении социума механизмов ее решения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Парсонс, Т. (1998) Система современных обществ / пер. с англ. под ред. М. С. Ковалевой. М. : Аспект Пресс.

Романов, А. К. (2002) Правовая система Англии. 2-е изд. М. : Дело.

Федотова, В. Г. (2008) Глобальный капитализм: три великие трансформации / В. Г. Федотова, В. А. Колпаков, Н. Н. Федотова. М. : Культурная революция.

Федотова, В. Г. (1997) Модернизация «другой» Европы. М. : ИФРАН.

Хантингтон, С. (2004) Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / пер. с англ. А. Башкирова. М. : АСТ ; Транзиткнига.

Харт, Г. Л. А. (2007) Понятие права / пер. с англ. ; под общ. ред. Е. В. Афонасина и С. В. Моисеева. СПб. : СПбГУ.

Эрикссон, Э. (1996) Идентичность: юность и кризис / пер. с англ. М. : Прогресс.

Новые книги

Викулова, С. К. Город: взаимодействие власти и общества : Теоретико-методологические вопросы исследования [Текст] / С. К. Викулова, А. И. Ковалева ; отв. ред. Вал. А. Луков. — М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2009. — 68 с.

Позняков, В. П. Программы и методики социально-психологического исследования российских предпринимателей [Текст] / В. П. Позняков. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2010. — 187 с.